

Учение Платона о бытии

Мир идей, видов

По учению Платона, мир вещей, воспринимаемых посредством чувств, не есть мир истинного бытия: чувственные вещи непрерывно возникают и погибают, изменяются и движутся, в них нет ничего прочного, совершенного и истинного.

И все же вещи не совершенно отделены от истинно существующего, а «причастны» ему. А именно: всем, что в них есть истинно сущего, утверждает Платон, чувственные вещи обязаны своим причинам. Эти причины – формы вещей, не воспринимаемые чувствами, постигаемые только умом, бестелесные и нечувственные. Платон называет их видами и – гораздо реже – идеями. Виды, идеи – зримые умом формы вещей.

Каждому классу предметов чувственного мира, например классу коней, соответствует в бестелесном мире некоторый вид, или идея, – вид коня, идея коня. Этот вид уже не может быть постигаем *чувствами*, как обычный конь, но может быть лишь созерцаем *умом*, к тому же умом, хорошо подготовленным к такому постижению.

Согласно Платону, каждому классу предметов соответствует особая идея, а вся область понятий, какие можно составлять через выделение чего-нибудь одинакового в нескольких отдельных предметах, и есть мир идей. Не входят в мир идей лишь те индивидуальные особенности предмета, которые принадлежат исключительно ему одному. Не идея лишь то, в чем нет одинаковости ни с чем ни в каком другом предмете; чуждо миру идей лишь недоступное пониманию, мелочное и непрерывно изменчивое в индивидуальном предмете.

Высочайший принцип всего существующего и последняя цель мышления, – абсолют, как теперь это называют – обозначается у Платона (в **трактате «Государство»**) термином «идея добра»; она в невидимом мире идей то же самое, что в видимом солнце; она источник всего бытия и всякого познания. Неопределенность выражения «идея добра» вошла в поговорку у греков. Впрочем, нет сомнения, что этот термин был у Платона равнозначен понятию о Боге или о божественном принципе, что под названием «идея добра» он мыслил духовное существо, разумное, хотя и не безусловно свободное от подвластности законам необходимости.

Многие современники Платона возражали против его учения об идеях. Например, глава школы **киников Антисфен** прямо глумился над Платоном.

«Этого коня перед собой, – таков был смысл его возражения, – я вижу, а вот «идеи» коня, «конности», «лошадности», о которой ты, Платон, твердишь, не вижу». Платон отвечал ему: «Да, идеи коня ты не видишь, но это происходит только оттого, что ты хочешь и надеешься увидеть ее обычными глазами. Я же утверждаю, что ее можно увидеть только «глазами ума», с помощью интуиции ума».

Платон думал, что идея – *общее* для всех обнимаемых ею предметов. Коней в чувственном мире множество, а идея коня в умопостигаемом мире – некоторая целостность, и, как такая целостность, она – только одна. Эта идея – то, что *всякого*, чувственно воспринимаемого коня делает именно конем, и ничем иным. Но общее для многих предметов, думал Платон, не может открыться чувствами. По своей природе оно *бестелесно, запредельно* по отношению ко всему чувственному. Оно доступно только уму.

По отношению к чувственным вещам их виды (идеи) – одновременно и их *причины* и *образцы*, по которым эти вещи были созданы, и *цели*, к которым стремятся существа чувственного мира, и, наконец, *понятия* об общей основе вещей каждого класса, или разряда. Только *идеи*, по Платону, составляют истинное *бытие*.

Мир небытия

Однако для объяснения наблюдаемых явлений и воспринимаемых вещей недостаточно, как думал Платон, предположить существование одних лишь видов, или идей. Ведь чувственные вещи преходящи, изменчивы, лишены истинного существования. Их качества должны быть обусловлены уже не только бытием, но каким-то образом и небытием. Выходит, что кроме бытия должно существовать также и небытие, и притом существовать «ничуть не меньше», чем бытие. Это небытие Платон отождествляет с материей.

В то время как бытие всегда тождественно самому себе, небытие есть *иное* сравнительно с бытием, иначе говоря – область непрекращающегося изменения, возникновения, рождения и гибели, движения. Благодаря существованию материи, или небытия, возникает, согласно объяснению Платона, множество чувственных вещей. Материя, которую Платон уподобляет «матери», «кормилице», принимает в свое лоно вид (идею) и превращает единство и целостность каждого постигаемого умом вида, каждой идеи во множество чувственных вещей, обособленных друг от друга в пространстве.

Учение это противостояло **атомистическому материализму** Левкиппа и **Демокрита**, который был старшим современником Платона. Для Платона виды (идеи) первее материи; понятием небытия уже предполагается – как его

условие – бытие: небытие тоже есть бытие, но только бытие иное по отношению к данному.

По воззрению, изложенному в диалоге «Федр», местопребывание идей – «занебесная область». «...Эту область занимает бесцветная, бесформенная, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души – разуму...».

Только несовершенство нашего способа мышления, как думает Платон, внушает нам представление, будто идеи пребывают в каком-то пространстве – наподобие того, как чувственные вещи представляются нам обособленными друг от друга и находящимися в пространстве. Такой взгляд на пространственную локализацию идей – иллюзия, а источник этой иллюзии, по мысли Платона, – материя, под которой Платон понимает едва вероятный, постигаемый каким-то «незаконным» рассуждением род пространства, причину обособления друг от друга единичных вещей чувственного мира. Взирая на этот род пространства, мы впадаем в иллюзию: мы «точно грезим и полагаем, будто все существующее должно неизбежно находиться в каком-нибудь месте и занимать какое-нибудь пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небе, то будто и не существует» (диалог «Тимей»).

Но взгляд этот, как полагает Платон, ошибочен. Платоновские идеи совершенно запредельны, не выразимы ни в каких образах чувственного опыта, ни в каких категориях числа, пространства и времени.

Чувственный мир

На основе своего учения о бытии и небытии Платон построил свое учение о *чувственном мире*. Мир этот, по его мысли, есть «среднее» между миром бестелесных видов (идей) и миром небытия, или материи, дробящей единство идей во множество вещей, отделенных друг от друга пространством.

По Платону, вещи чувственного мира не есть небытие. В них есть нечто от бытия. Но всем, что в чувственных вещах есть от бытия, они обязаны не материи, а идеям – как своим причинам и образцам. С другой стороны, не будь материи, или небытия, чувственные вещи не могли бы существовать, ибо чувственных вещей множество, а условие существования множества – материя. Так как чувственные вещи – порождение не только идей, но и небытия, то они не имеют истинного существования и в этом смысле *противоположны* идеям, или видам.

Платон резкими чертами характеризует эту противоположность. Идеи вечны, не возникают и не погибают, неизменны, тождественны самим себе, безотносительны, не зависят от условий пространства и времени. Им принадлежат все признаки, которыми предшественник Платона элеец **Парменид** определил свое – единое, вечное, неподвижное – истинно существующее бытие.

Напротив, мир чувственных вещей, как его понимает Платон, – близок к представлениям о мире **Гераклита**: это мир вечного возникновения и гибели, мир «бывания», а не бытия, мир не прекращающегося ни на мгновение движения и изменчивости; в нем все вещи и все свойства относительны, преходящи, текучи, зависят от условий пространства и времени.

Взгляды Аристотеля кратко

Непосредственным предшественником философии Аристотеля было **учение Платона**, однако их сразу разделило важнейшее теоретическое отличие. По системе Платона, общие понятия нашего сознания (идеи) имеют самостоятельно существование вне призрачного мира материальных вещей. По Аристотелю же, идеи неотделимы от вещей и имеют свое бытие в них. Аристотель полагает, что идея и реальное явление существуют не отдельно друг от друга, а в неразрывном сочетании. Идея – только **форма, дающая материи смысл**.

Согласно философии Платона, источник истинного знания – в воспоминаниях о **мире идей**, который душа созерцала до своего «**телесного рождения**». Но Аристотель считает, что никакого особого мира идей нет, и в начале жизни душа подобна чистой вощёной дощечке для письма (*tabula rasa*), на которой ещё ничего не начертано. Затем она постепенно заполняется «отпечатками», приобретаемыми из опыта. Аристотель, в отличие от Платона, убеждён, что мир явлений не есть «ложный призрак», а обладает подлинной реальностью и содержит в себе истину. Получая от него простые чувственные впечатления, душа при помощи индукции переходит к более сложным общим понятиям.

Критика Аристотелем

Аристотель подвергает это учение самой резкой критике. По-видимому, он совершенно отрицал это учение, но на самом деле он никогда не мог совершенно отделаться от него и отверг его гораздо менее, чем хотел.

Критика идеологии Платона находится в XIII и XIV книгах «**Метафизики**» Аристотеля и в 9-й главе I книги ее.

Основа возражений Аристотеля состоит в том, что, вводя «идеи» как самостоятельное бытие, отдельное от существования чувственных вещей, Платон развивает теорию, в которой «идеи» оказываются бесполезными как для объяснения познания вещей, так и для объяснения их бытия. Согласно первому возражению Аристотеля, «идеи» бесполезны для объяснения знания, гипотеза о существовании идей не дает познанию вещей ничего нового: платоновские «идеи» — простые копии, или двойники, чувственных вещей; в содержании «идей» нет ничего, чем они отличались бы от соответственных им чувственных вещей. По Платону, общее имеется в «идеях». Но так как оно имеется и в отдельных чувственных вещах и так как в «идеях» оно то же, что и в отдельных вещах, то в «идеях» не может быть никакого нового содержания, которого не было бы в вещах. Например, «идея» человека, или, согласно Платону, человек сам по себе, в своей сущности ровно ничем не отличается от суммы общих признаков, принадлежащих каждому отдельному чувственному человеку.

Второе возражение Аристотеля — в том, что постулируемая Платоном область «идей» бесполезна не только для познания, но и для чувственного существования. Чтобы иметь значение для области чувственных вещей, царство «идей» должно существовать внутри области чувственных вещей. Но как раз у Платона область «идей» начисто обособлена от мира чувственных вещей. Поэтому не может существовать никакого основания для какого бы то ни было отношения между ними.

3 возражение

Платон, согласно Аристотелю, запутывается в противоречии также и в своем учении об отношении между областью чувственных вещей и областью «идей». Согласно убеждению Платона, отдельные вещи чувственного мира заключают в себе нечто общее для них.

Четвертое возражение Аристотеля против теории «идей» Платона состоит в указании, что теория эта не дает и не может дать объяснения важному свойству вещей чувственного мира. Свойство это — их движение становление: возникновение и гибель. Так как идеи образуют, согласно Платону, особый и совершенно отдельный, замкнутый мир сущностей, то Платон не способен указать причину для непрерывно происходящего в чувственном мире изменения и движения.

По мнению Аристотеля, Платон справедливо признает реальность общего, универсального. Аристотель совершенно сходится с ним в этом отношении. Без допущения εἶδη, т.е. общих видовых и родовых начал или идей, определяющих собою все вещи, их нельзя было бы понимать. Если бы не было ничего общего, ничего «единого о многом» (ἐν κατὰ πολλῶν), то не было бы знания: ибо знание направляется на общее и не может охватывать совокупности вещей в отдельности. Если бы не было ничего общего, объемлющего частное, то возможно было бы только ощущение, а не знание, не понятие.

Далее, не было бы ничего вечного и неподвижного. Не было бы различий: ибо все различия вещей определяются их свойствами, а свойства суть нечто общее; не было бы родов и видов, которые суть нечто действительное.

Стало быть, делает вывод Аристотель, есть нечто «единое во многом»: есть универсальные родовые понятия, относящиеся ко многим единичным предметам, имеющие реальное бытие, действительное основание.

Аристотелевская критика Платона сводится в основном к тому, что эти понятия не следует разделять от вещей: «единое во многом», ἐν κατὰ πολλῶν, не следует превращать в ἐν παρά τὰ πολλὰ («единое отдельно от многого»), как это делает Платон с идеями.

По Аристотелю, немислимо, чтобы сущность была вне того, чего она есть сущность. Нет человека вне людей; но вид (εἶδος) – внутренне присущ вещам (ἐνυπάρχει), как та форма (μορφή), которая делает каждую вещь тем, что она есть. Итак, спрашивает Аристотель, что же есть сущность? Она не есть отвлеченное понятие, не есть что-либо общее. То, что присуще многому, что сказывается во многом, не есть вещь или сущность. Сущность (οὐσία) есть лишь индивидуальное существо, не человечество, а человек. Следовательно, говорит Аристотель, сущность есть то, что не может сказываться о каком-либо другом подлежащем, но то реальное подлежащее, о котором все сказывается.

Но тут-то и возникает самая большая трудность. Если существуют только единичные вещи, то как можно их познавать или правильно мыслить в наших общих понятиях? Ведь знание направляется не на единичное, а на общее. На вопрос: «чем является эта вещь» – я по необходимости даю общее определение. Аристотель следующим образом решает этот вопрос: сущность вещи в самой ее индивидуальности определяется общим видом или формой, которая в ней воплощается. **Сущность** вещи есть **данная форма в данной материи**, сочетание материи и формы; сущность вещи есть внутренне присущая ей видовая форма (Аристотель. Метафизика. VII, II, 25).

Здесь мирозерцание Аристотеля резко отличается от платоновского: *подобно Платону он признает общие начала, но видит их как реализацию лишь в единичных вещах*. Однако в своей критике Платона Аристотель не становится на сторону **киников**, утверждающих, что общие начала суть лишь наши субъективные понятия, — слова, которым в действительности ничто не соответствует; *он признает, что общие начала, общие формы существуют, но не отдельно от вещей, а в самих вещах, в самой конкретной действительности*. Поэтому Аристотель допускает возможность **познания** лишь в форме общих понятий и ставит задачей научного исследования раскрытие общих законов в индивидуальных явлениях. Так он учит во всем: недаром он является творцом сравнительной анатомии: он старается открыть единство форм в разнообразии индивидуумов.